

Если удастся при случае намекнуть старику Линю, то, зная, как сильно тот дорожит своим младшим внуком, он наверняка не даст согласия на сватовство семьи Чжао. А поскольку здесь всё решается родительским словом и волей сватов, пока старик Линь стоит на своем, планам Чжао Хайшэна получить бесплатную рабочую силу в лице юноши не суждено сбыться.

Размышляя об этом, У Цинъюань сам не заметил, как у него поднялось настроение.

Он смотрел на жизнерадостного юношу перед собой, и на душе становилось всё светлее. Его пристальный, мягкий взгляд быстро смутил чувствительного Линь Амо. Тот прикрыл рукой пятно на щеке и засуетился, пряча лицо:

— Брат У, вы... вы чего всё на меня смотрите?

Линь Амо украдкой поглядывал на У Цинъюаня сквозь щель между пальцами, и его сердце вдруг забилося в груди, как птица. Он разволновался.

Будучи некрасивым юношей, на которого никто никогда не смотрел с интересом, он уже не раз замечал, что У Цинъюань пристально наблюдает за ним. Но ведь он не хорош собой, зачем же брату У так на него смотреть?

— Ничего, у тебя на лице пыль, протри.

У Цинъюань отвел взгляд, невозмутимо улыбнулся и, сохраняя серьезное выражение лица, протянул ему платок, чтобы сбить того с толку.

Затем, увидев, как юноша перед ним и впрямь поверил и начал тереть лицо, с этими своими огромными глазами и глуповатым выражением, он невольно улыбнулся уголками губ.

\*\*\*

Отдохнув в чайной лавке и дождавшись, пока солнце немного спадет, У Цинъюань и Линь Амо направились обратно в деревню.

Из-за того, что в руках они несли вещи, шли они небыстро, и к тому времени, как добрались до деревни, крестьяне уже начали возвращаться с полей.

Линь Тяньбао и Чжан Дачжу поджидали их в тени большого ивы у въезда в деревню.

— Брат, наконец-то вы вернулись! Брат Дачжу чуть с ума не сошел, весь вечер таскал меня сюда ждать, я тут чуть не сварился от жары!

Как только они встретились, Линь Тяньбао подбежал к брату, жалуясь и ожидая утешения. Оставшись в раннем возрасте без матери, он привык ластиться к старшему брату.

— Это брат Дачжу тебя таскал или ты сам прибежал? Нечего валить на других. Вот, возьми, это ароматная лепешка из Сусянюань, ешь скорее, а то если бабушка дома увидит, тебе ничего не достанется...

Линь Амо давно привык к такой зависимости брата. Он легонько стукнул его по голове, наставляя, и протянул лепешку, которую ему сегодня в городе дал Чжао Хайшэн.

Хотя младший брат был единственным внуком мужского пола в семье, бабушка души не чаяла лишь в своем младшем сыне — третьем дяде Амо. Одной лепешки на всех не хватило бы, поэтому Амо, конечно, решил приберечь её для родного брата.

Линь Тяньбао, хоть и был мал, оказался пронырой. Он кивнул, но, понюхав лакомство, не решился съесть его сразу — ароматная лепешка из Сусянюань была куда ценнее леденцов на палочке. Он улыбнулся, завернул её обратно и спрятал за пазуху, довольно хихикая.

— Понял, брат, ты всё-таки меня больше всех любишь. Брат Дачжу правда очень волновался, сегодня после полудня сразу прибежал в деревню. Давайте скорее вернемся, приготовим лекарство для брата Чжоу...

— Брат Линь, лекарство удалось достать? — обеспокоенно спросил Чжан Дачжу.

— Достали, брат Дачжу, не волнуйся, с братом Чжоу всё будет хорошо. Пусть он эти пару дней поживет у нас, я помогу за ним присмотреть!

Зная, как сильно Чжан Дачжу дорожит Чжоу-гэ, Линь Амо поспешно потряс свертком с лекарством, чтобы успокоить его.

— Хорошо, давай сюда, я сам пойду сварю, а вы идите не спеша...

Чжан Дачжу оказался еще более нетерпеливым, чем он думал. Он выхватил сверток из рук Линь Амо и бросился бежать. Он так торопился, что двигался неуклюже и чуть не растянулся на земле.

Эта суэта рассмешила обоих братьев. Линь Тяньбао даже крикнул вслед:

— Брат Дачжу, осторожнее! С братом Чжоу всё в порядке, никуда он не денется! Ха-ха-ха!

У Цинъюань, хоть и не был посвящен в дела деревенских жителей, заразился общей атмосферой и тоже улыбнулся.

Возможно, эта деревня Люшу действительно неплохое место для жизни. Люди, которых он встретил до сих пор — отец и сын Линь, только что виденный Чжан Дачжу, сплетничающие тетушки на дороге — все они казались ему простыми и искренними, что вызывало чувство легкости и покоя. Он давненько не чувствовал себя так расслабленно.

Однако у него оставался вопрос: если Чжан Дачжу так дорожит этим Чжоу-гэ, почему не женится на нем поскорее?

Здесь, если не считать таких исключений, как Линь Амо, люди обычно обзаводятся семьями в пятнадцать-шестнадцать лет. Чжоу-гэ, судя по виду, хоть и был худощав, выглядел лет на семнадцать-восемнадцать, а Чжан Дачжу — на двадцать три-двадцать четыре. По деревенским меркам — уже перезрелый жених.

Да и если так срочно нужно было лекарство, почему этот сильный мужчина сам не пошел в город, а доверил деньги другому? Взрослому мужчине идти куда быстрее, чем такому юноше, как Линь Амо. Странно.

Хотя это его не касалось, любопытство — вещь естественная. У Цинъюань решил расспросить Линь Амо. В конце концов, он собирался здесь обосноваться, а знание деревенских сплетен — залог гармоничных отношений с соседями в будущем!

История Чжан Дачжу и Чжоу-гэ не была секретом. Линь Амо ничего не скрывал и рассказал всё по дороге.

На самом деле, ничего сверхъестественного: пара влюбленных, знающих друг друга с детства, но родители были против их союза.

Семья Чжоу считала выкуп, предложенный семьей Чжан, слишком маленьким, а родители Чжан Дачжу, в свою очередь, полагали, что отдавать десять лямов серебра за юношу — невыгодная сделка, ведь у них есть и другие дети, которых нужно пристроить. Договориться не удалось.

Но Чжан Дачжу уперся — хотел жениться только на Чжоу-гэ. Он начал сам зарабатывать деньги, прогонял всех свах, которые приходили к нему с другими предложениями, и так дотянул до двадцати четырех лет. Его родители злились, а к Чжоу-гэ стали относиться еще хуже.

А в семье Чжоу всё было иначе: Чжоу-гэ был довольно милостивым, и старуха Чжоу всё мечтала выгодно его продать. Раз у Чжан Дачжу не было десяти лямов, она искала других — старых холостяков или дряхлых господ из города. Кто даст десять лямов, за того и отдаст. Чжоу-гэ ей не родной, жалеть нечего.

Чжоу-гэ, хоть и был по натуре робким, в этот раз проявил твердость. Он даже пытался утопиться, чтобы хоть как-то остановить старуху. Та временно отступила, решив подождать,

пока Чжан Дачжу соберет нужную сумму.

Десять лямов — это огромные деньги, целая семья в деревне за год столько не скопит. Родители Чжан Дачжу помогать отказались, а он, простой пахарь, заработать такую сумму в одиночку был не в состоянии. Так дело и затянулось.

— ...Бабушка Чжоу совсем потеряла совесть! Чжоу-гэ столько лет пахал на них, как скотина, терпел побои и ругань, выполнял всю черную работу! Мало того, она еще хочет продать его этим бесстыдным старикам ради денег, совсем забыла, что родной брат Чжоу-гэ погиб, спасая их семью! — возмущенно говорил Линь Амо.

Линь Тяньбао кивал рядом. Деревня маленькая, всё на виду, даже дети знали об этом.

— У Чжоу-гэ был брат? — в голове у У Цинъюаня, слушавшего сплетни, вдруг что-то щелкнуло.

— Да, кажется. Я точно не знаю, Чжоу-гэ тогда был совсем маленьким и помнил лишь смутно. Но тетушки в деревне говорили, что они с братом пришли в нашу деревню Люшу во время голода. Чтобы заработать на еду, беженцы помогали нам по хозяйству. Однажды, когда дедушка Чжоу работал в горах, на него напал медведь, и брат Чжоу-гэ, спасая дедушку, сорвался в пропасть. Тело так и не нашли. Позже дедушка Чжоу приютил Чжоу-гэ... — Линь Амо кивнул, искренне сочувствуя своему единственному другу. — Когда дедушка Чжоу был жив, он хорошо относился к Чжоу-гэ, но как только его не стало, старуха Чжоу перестала считать его за человека. Если бы родной брат Чжоу-гэ был жив, кто бы посмел его обидеть!

Линь Амо нахмурился, изображая гнев, но из-за того, что он был юн, а его лицо, несмотря на пятно, имело правильные черты, это выглядело очень мило. У Цинъюань невольно усмехнулся.

Но сейчас было не до смеха. Его больше интересовали слова Амо. Сделав глубокий вдох, он спросил:

— Амо, ты сказал, что Чжоу-гэ пришел в вашу деревню вместе с братом? Сколько ему сейчас лет? И не знаешь ли ты, как звали его брата?

Сирота, приемный ребенок, временные рамки голода совпадают, есть «погибший» брат, сам он — юноша-гэ... У Цинъюань чувствовал, что этот Чжоу-гэ на пятьдесят процентов совпадает с тем, кого он ищет.

— Брат У, вы... вы не хотите сказать, что Чжоу-гэ и есть тот родственник, которого вы ищете?!  
— Линь Амо, услышав вопрос, резко остановился.

— Я не уверен, но информация, которую ты рассказал, во многом совпадает. Просто наше летоисчисление отличается от вашего, и я, возможно, ошибся в возрасте... — У Цинъюань не мог утверждать наверняка, пока не проверит, поэтому решил немного схитрить.

Объяснение было шито белыми нитками, но братья Линь не заподозрили подвоха. В конце концов, никто не станет искать себе бедных родственников ради обмана. Если Чжоу-гэ действительно тот, кого ищет У Цинъюань, это спасение для него: у него появятся свои люди, которые смогут за него заступиться, и старуха Чжоу больше не сможет распоряжаться его судьбой.

— Да-да, точно! Это он! — Линь Амо, возбужденно схватив У Цинъюаня за руку, часто закивал.

— Конечно, это брат Чжоу! — Линь Тяньбао тоже подпрыгнул от радости.

— Большая часть информации сходится, но я хочу перепроверить всё более тщательно. Надеюсь, вы мне поможете... — У Цинъюань кивнул, глядя на руку Амо, лежащую на его предплечье. Он почувствовал тепло и слегка улыбнулся. Торопиться не стоит.

\*\*\*

Определив цель, У Цинъюань решил действовать постепенно, чтобы не ошибиться. Если он упустит настоящего брата старика Чжоу, то не простит себе этого — он привык держать слово.

Сам он по натуре был холодным человеком, но в наемничестве всегда превыше всего ставил принципы.

Братья Линь, особенно Амо, были очень активны. Амо давно хотел помочь другу, но был бессилен. Он мог заступиться за него, когда того обижали, или поделиться едой и одеждой, но на большее его сил не хватало.

Он был лишь юношей с низким статусом, который не мог распоряжаться даже собственной судьбой. Видя страдания Чжоу-гэ, он очень переживал. У него с детства не было друзей, и они сблизились, потому что оба были в тяжелом положении. Чжоу-гэ всегда был добр к нему, помогал по хозяйству, пытался лечить его лицо, а в детстве даже спас ему жизнь. Амо обязательно должен был помочь!

В древности не было анализа ДНК, а способ проверки через каплю крови был ненадежен. Оставалось полагаться на улики, памятные вещи или родимые пятна.

Информация о Чжоу-гэ совпадала во всем, кроме имени. Теперь нужно было лишь проверить, есть ли у него родимое пятно. Имя было не так важно: когда его приютили, он был слишком мал, чтобы помнить, а так как он не был местным, никто не знал, меняли ли ему имя.

Линь Амо торопил У Цинъюаня, желая как можно скорее доказать, что Чжоу-гэ — тот самый человек, чтобы тот поскорее вырвался из ада.

Однако времени на проверку не осталось: семья Чжоу уже успела забрать Чжоу-гэ из дома

Линь.

Когда Амо привел У Цинъюаня обратно, в доме была только семья второго дяди, а Чжоу-гэ, Чжан Дачжу и его отца нигде не было.

— Вторая тетя, где Чжоу-гэ, брат Дачжу и мой отец?

Линь Амо не был глуп и сразу понял, что что-то случилось. Он потянул вторую тетю Ван за рукав:

— Тетя Ван, что произошло?

Ван оглянулась на закрытую дверь комнаты старой госпожи Линь и, убедившись, что та еще спит, отвела Амо в угол:

— Тетка Чжоу воспользовалась вашим отсутствием, пришла и забрала Чжоу-гэ домой. Говорит, нашла ему жениха. Дачжу только что прибежал, я ему сказала, он побежал к дому Чжоу. А твой отец еще не вернулся, он ушел в соседнюю деревню помогать брату У...

— Жених? Какой еще жених?! — лицо Линь Амо изменилось. Старуха Чжоу готова была продать Чжоу-гэ, как золотую статуэтку, какой там мог быть хороший жених?

— Тетя Ван сказала, что это господин Цянь из зерновой лавки в городе... — Ван вздохнула.

Услышав это, Линь Амо побледнел. Зерновая лавка Цянь была самой большой в городе Шицяо. Господин Цянь, несомненно, был богатым землевладельцем. Но ему было уже пятьдесят лет! Он годился Чжоу-гэ в деда! Старуха Чжоу его не замуж выдавала, а продавала!

Линь Амо, охваченный гневом и тревогой, велел брату ждать дома, а сам снова потащил У Цинъюаня к дому Чжоу.

Он так торопился, что даже не заметил, как крепко держит У Цинъюаня за руку, и по дороге объяснял всё, уже считая того «родственником Чжоу-гэ».

Вскоре они оказались перед домом Чжоу — обычным крестьянским двором с соломенной крышей и глиняными стенами.

У входа собралась толпа. Главными действующими лицами были Чжан Дачжу и старуха Чжоу с сыном и невесткой.

Чжан Дачжу был сильным и крепким, выглядел грозно, но на деле был простоват — умел

работать, но не умел красиво говорить, особенно в спорах. Старуха Чжоу же славилась своим острым языком и умением скандалить. Чжан Дачжу был ей не ровня.

Она нашла этого господина Цянь с большим трудом и не собиралась упускать деньги.

— Чжан Дачжу, если есть чем хвалиться, принеси выкуп больше, чем господин Цянь — тридцать лямов! Нет? Тогда проваливай! Я мать Чжоу-гэ, и мне решать, за кого он выйдет! — старуха Чжоу уперла руки в бока. Она знала, что Дачжу не посмеет поднять на нее руку при всех.

Чжан Дачжу, не зная, что ответить, лишь краснел и твердил:

— Вы не можете выдать его за другого, он моя жена!

Окружающие шептались, сочувствуя ему, но помочь не могли: старуха права, она мать, и по документам Чжоу-гэ принадлежит ей. Тут даже староста ничего не поделает.

Линь Амо, видя торжествующую старуху, не выдержал. Он прорвался сквозь толпу, потянув за собой У Цинъюаня, и закричал:

— Бабушка Чжоу, вы не можете решать судьбу Чжоу-гэ! Его родной брат пришел за ним!

— Что? — толпа замерла. Все уставились на него, как на сумасшедшего.

Это звучало невероятно. Те, кто был постарше, хорошо помнили голод двенадцатилетней давности. Многие видели, как брат Чжоу-гэ сорвался в пропасть. Как он мог выжить?

— Брат Линь, что ты сказал? Родной брат Чжоу-гэ пришел? Где он? — старый староста тоже был ошеломлен.

Старуха Чжоу испуганно огляделась. Чжоу-гэ, стоявший за её спиной, застыл в оцепенении.

Линь Амо, заметив реакцию толпы, хитро улыбнулся. Пока старуха была в замешательстве, он вытянул Чжоу-гэ из-за её спины.

— Не просто брат, а родня! Чжоу-гэ, у тебя есть семья, они пришли за тобой!

Когда старуха пришла в себя, Амо уже подвел Чжоу-гэ к У Цинъюаню.

— Брат У, скажите ему, что вы его родственник, вы ведь пришли за ним, правда? — Амо с надеждой посмотрел на У Цинъюаня.

Этот взгляд невозможно было игнорировать. У Цинъюань сжал губы и кивнул.

В этот момент вокруг воцарилась гробовая тишина. Все взгляды устремились на У Цинъюаня, который стоял перед ними, невозмутимый и серьезный.

<http://bllate.org/book/20032/1977518>